

Krivosos, Vladislav Šajevič

Город в романе Ф. Сологуба "Мелкий бес"

Opera Slavica. 2018, vol. 28, iss. 1, pp. 17-28

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/138145>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Город в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»

The City in F. Sologub's Novel "The Petty Devil"

Владислав Шаевич Кривонос

(Самара, Россия)

[články]

Абстракт:

Автор изучает особенности литературного контакта с поэмой Гоголя «Мертвые души» в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес». Рассматриваются важные параллели, которые проецируют роман Ф. Сологуба на поэму Гоголя. Особое внимание уделяется сопоставлению провинциального города в этих произведениях. Изучаются функции слухов и сплетен и их влияние на поведение персонажей романа, а также на развитие основных мотивов и сюжетной интриги. Сравниваются причины и формы бегства из города героев Гоголя и Ф. Сологуба.

Ключевые слова:

Сологуб; Гоголь; город; провинция; безумие; абсурд

Abstract:

The author studies the peculiarities of the literary contact with Gogol's poem "Dead Souls" in F. Sologub's novel "The Petty Devil". The important parallels which F. Sologub's novel project on Gogol's poem are considered. The particular attention is paid to the comparison of the provincial town in these works. There are studied the functions of rumours and gossips and their influence on the behaviour of the characters of the novel, as well as on the development of the main motives and plot intrigues are studied. The reasons and forms of flight from the city of Gogol' and F. Sologub's heroes are compared.

Key words:

Sologub; Gogol'; city; provinces; madness; absurd

Соприкосновение с Гоголем

О том, что Ф. Сологуб в описании провинциального города в «Мелком бесе» «соприкоснулся с Гоголем», писал в 1908 г. А. Белый: «Персонаж Сологуба всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены — ведь все это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка»¹. Для А. Белого *Сапожок* служит символическим названием места, где обитают персонажи Ф. Сологуба, манерой изображения отсылающие к Гоголю. Признавая позднее, что «Мелкий бес» «не без Гоголя», А. Белый отметит не просто соприкосновение, но явные гоголевские следы в романе, в котором «непроизвольно реставрировались “Мертвые души” — миром провинциальных мещан из опустившихся мелких интеллигентов...»².

Гоголевский город NN, как верно было указано, служит парадигмой провинциального города в русской прозе, доминантой же его выступает «своеобразная перевернутость», когда видимое оказывается «мнимым и нереальным»³. Сходство образов города было одной из причин, почему с поэмой Гоголя роман Ф. Сологуба «постоянно сравнивали» с самого «момента появления»⁴. Заданное в «Мертвых душах» представление о неизменяемости провинциального мира, сохраняющего, каким бы достоверным ни выглядело его описание, черты мнимости и нереальности, предполагает мифологическое отождествление сущности места с сущностью его обитателей; эти сущности, о чем собственно и говорит А. Белый, действительно общие что у Гоголя, что у Ф. Сологуба.

В. В. Розанов в статье «Бедные провинциалы...», опубликованной в 1910 г., приводит мнение бывшего провинциала, перебравшегося в столицу, что автор «Мелкого беса» «... мог бы своего Передонова поместить с равным удобством на Сандвичевых островах, как и „в провинциальном русском городе“: ведь характерно не то, что он носит мундир учителя гимназии и говорит русскими словами, с русскими „приёмцами“ речи... Характерно и поразило всю Россию, что он мажет кота вареньем и хочет сразу жениться на трех сестрах, выбирая, которая „потолще“. Но это „характерное“ присуще Сандвичевым островам не

- 1 BELYJ, A.: *Sobranije sočinenij. Arabeski. Lug zelenyj*. Moskva, 2012, s. 446.
- 2 BELYJ, A.: *Masterstvo Gogolja*. Moskva, 1996, s. 311.
- 3 KAZARI, R.: *Russkij provincial'nyj gorod v literature XIX v. Paradigmy i varianty*. In: BELOUSOV, A. F., CIV'JAN, T. V. (red.): *Russkaja provincija: mif — tekst — real'nost'*. Moskva–Sankt-Peterburg, 2000, s. 166.
- 4 PAVLOVA, M. M.: *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov*. Moskva, 2007, s. 268.

менее, чем „бедной русской провинции“; вернее же оно вовсе никому и ничему не присуще, кроме странного соллогубовского воображения...»⁵.

В приведенном высказывании, при всей его видимой полемичности, отрицающей правдоподобность образа провинции в «Мелком бесе», по существу утверждается, что Ф. Сологуб не был бытописателем провинциального города. Напомним, что и Гоголь «не бытописатель города, как, впрочем, и любой другой жизненной сферы...»⁶. В «Мертвых душах», как проницательно заметил современник Гоголя, изображен «фантастический русский город», над которым как будто носится «сам демон глупости и путаницы»⁷. Такой же *фантастический русский город*, порожденный воображением Ф. Сологуба, не менее или не более *странным*, чем воображение Гоголя, выведен и в его романе. Но если у Гоголя с помощью условного обозначения города создается «иллюзия географической реальности»⁸, то у Ф. Сологуба подчеркнута безымянность города, что способствует его мифологизации⁹.

Показательно в этом смысле, что жизнь соллогубовского города, в соответствии с мифологическим представлением о населенном *чужими* хаотичном пространстве¹⁰, «характеризуется как предельно алогичная, нелепая...»¹¹. И дело не только в его провинциальном статусе: «„Перевернутость“, аномальность жизни в „Мелком бесе“ — свойство материальной, бытовой действительности как таковой»¹². Если город NN устроен по образцу патриархальной семьи, почему и Чичикова, приезжего и гостя, пришедшегося здесь по нраву, стремятся превратить в *своего*¹³, то в безымянном соллогубовском городе, даже когда его

5 ROZANOV, V. V.: *Sobranije sočinenij. O pisatel'stve i pisateljach*. Moskva, 1995, s. 447.

6 MANN, Ju. V.: *Poëtika Gogolja. Variacii k teme*. Moskva, 1996, s. 391.

7 ŠEVYREV, S. P.: *Pochoždenija Čičikova, ili Mertvyje duši. Poëma N. V. Gogolja. Stat'ja vtoraja*. In: KANTOR, V. K., OSPOVAT, A. L. (red.): *Russkaja èstetika i kritika 40–50-ch godov XIX veka*. Moskva, 1982, s. 58.

8 BELOUSOV, A. F.: *Simvolika zacholust'ja (oboznačenie rossijskogo provincial'nogo goroda)*. In: BELOUSOV, A. F., ABAŠEV, V. V., CIV'JAN, T. V. (red.): *Geopanorama russkoj kul'tury: Provincija i jeje lokal'nyje teksty*. Moskva, 2004, s. 458.

9 Там же, с. 457–458.

10 См.: ÈLIADÉ, M.: *Svjaščenneje i mırskoje: perevod s francuzskogo*. Moskva, 1994, s. 27.

11 MINC, Z. G.: *O nekotorych «neomifologičeskich» tekstach v tvorčestve russkich simvolistov*). In: MINC, Z. G. (red.): *Blokovskij sbornik III. Tvorčestvo A. A. Bloka i russkaja kul'tura XX veka*. Tartu, 1979, s. 107.

12 Там же, с. 108.

13 См.: KRIVONOS, V. Š.: *«Mertvyje duši» Gogolja: Prostranstvo smysla. 3-e izdanie, ispravlennoje i dopolnennoje*. Moskva, 2018, s. 177–182.

обитатели «смотрели друг на друга приветливо» и «казалось, что в этом городе живут мирно и дружно», на самом деле «все это только казалось»¹⁴.

В «нашем городе», как замечает повествователь (отсюда, изнутри изображаемого мира, он и ведет свое повествование), все «друг другу знакомы, — только иные раззнакомились, поссорясь»¹⁵. Свои становятся здесь чужими, что способствует растущему по мере развития сюжета разрыву связей между персонажами. Знаменательно, что внимание к состоянию души человека, свойственное гоголевской поэме, сменяется в «Мелком бесе» интересом к формам отклоняющегося поведения и его маскировки, к разного рода «психическим аномалиям»¹⁶.

Безумие и абсурд

В «Мертвых душах» неподвижному миру провинции противопоставлен движущийся герой¹⁷. Изложенная в последней главе поэмы биография Чичикова, в которой раскрываются значимые свойства его характера, не только бросает обратный отсвет на описанные события, но и позволяет провидеть возможное воскрешение его души. Так и прозреваемый автором «...град небесный составляет второй, неявный план, как бы потенциальное второе измерение земного города»¹⁸, включая город NN, хотя пустота существования и порождает присущий ему «демонизм обыденной жизни»¹⁹. Но недаром же настаивает здесь Чичикова неожиданное для него чувство к губернаторской дочке, похожее, пусть автор и ставит следом сходство это под сомнение, на внезапно пробудившееся «чувство любви»²⁰.

Город в «Мелком бесе» с градом небесным никак не соотносится и второго измерения не имеет. Зато акцентируются в романе традиционные для восприятия провинции ассоциации «с „дикостью“ и „грязью“»²¹. Передонова

14 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 11.

15 Там же, с. 86.

16 PAVLOVA, M. M.: *Iz istoričeskoj predystorii «Melkogo besa»*. (*Algolagničeskij roman Fedora Sologuba*). In: BOGOMOLOV, N. A. (red.): *Anti-mir russoj kul'tury: Jazyk, fol'klor, literatura*. Moskva, 1996, s. 350.

17 См.: PERVOZVANNYJ, V., PERMJAKOV, Je.: *Iz kommentarijev k pervomu tomu «Mertvych duš»*. In: LEJBOV, R. G. (red.): *Tartuskije tetradi*. Moskva, 2005, s. 190–192.

18 VIROLAJNEN, M. N.: *Reč' i molčanie: Sjužety i mify russoj literatury*. Sankt-Peterburg, 2003, s. 361.

19 MELETINSKIJ, E. M.: *O literaturnych archetipach*. Moskva, 1994, s. 84.

20 GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 14 t. T. VI*. [Moskva–Leningrad], 1951, s. 169.

21 BELOUSOV, A. F.: *Simvolika zacholust'ja (oboznačenie rossijskogo provincial'nogo goroda)*. In: BELOUSOV, A. F., ABAŠEV, V. V., CIV'JAN, T. V. (red.): *Geopanorama russoj kul'tury: Provincija i jeje lokal'nyje teksty*. Moskva, 2004, s. 476.

окружает подчеркнуто «грязная атмосфера»²², создаваемая в том числе и его собственными действиями; это грязь не только физическая, но моральная и психическая, заполняющая сознание героя. Ссорясь с Варварой, он «с тупым и равнодушным видом плюнул ей в лицо», за что она именует его «свиньей»²³. Без раздумий выплескивает он «остаток кофе из стакана на обои», которые уже «были испачканы, изодраны», и колотит по стене «подошвами»; вместе с сожительницей и приятелем они, «стоя перед стеною, плевали на нее, рвали обои и колотили их сапогами»²⁴. Происходит оскотинивание героя, намеренно демонстрирующего *свинское* поведение.

Своими поступками Передонов не просто сеет вокруг хаос; в нем *одержимость* «хаосом» принимает «предельные формы»²⁵. Причиной подобной одержимости служит нарастающее безумие героя, которое «... влечёт за собой тотальную хаотизацию окружающего»²⁶. От «брёда отношения» переходит он к «брёду отравления и преследования» и далее к «галлюцинациям»²⁷. Безумие деградирующего героя, грезящего о получении инспекторского места, будто бы обещанного, как морочит его Варвара, княгиней, служит формой воплощения абсурда, разлитого в провинциальном мире; свойственные же ему садистские и мазохистские наклонности способствуют окончательному превращению его деформированной личности в абсурдное «ничто»²⁸. В этом качестве он оказывается тождествен городу, где все происходящее вызывает «общее ощущение абсурдности»²⁹.

Там, где у Гоголя в «Мертвых душах» обнаруживается в описании провинциального мира фигура фикции, наделенная заданием «под всеми показами дать непоказ»³⁰, у Ф. Сологуба на поверхность выходит абсурд, обесмысливающий и *показы, и непоказ*. До абсурдного предела доведены в «Мелком бесе» и черты присущего городу «статичного хронически-инфернального быта»

22 RUDNEV, V. P.: *Filosofija jazyka i semiotika bezumija*. Moskva, 2007, s. 397.

23 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 22.

24 Там же, с. 23.

25 BROJTMAN, S. N.: *Fedor Sologub*. In: KELDYŠ, V. A. (red.): *Russkaja literatura rubeža vekov (1890-je – načalo 1920-ch godov)*. Kn. 1. Moskva, 2001, s. 902.

26 POLONSKIJ, V. V.: *Poëtika Fedora Sologuba: osnovnyje principy, mifologičeskie obrazy, literaturnyje alljuzii*. Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka, 2016, № 2, t. 75, s. 15.

27 Там же.

28 BURENINA, O.: *Čto takoe absurd, ili Po sledam Martina Èsclina*. In: BURENINA, O. (red.): *Absurd i vokrug*. Moskva, 2004, s. 31.

29 BARKOVSKAJA, N. V.: *Poëtika simvolistskogo romana*. Jekaterinburg, 1996, s. 134.

30 BELYJ, A.: *Masterstvo Gogolja*. Moskva, 1996, s. 100.

³¹, на фоне которого прорисовывается инфернальный облик самого героя. Для Передонова, который шел «по нечистой и бессильной земле», не было «утешения в возвышенном и отрады в земном, — потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою»³².

Уподобляясь демону, то есть нечеловеку, герой «Мелкого беса» обнаруживает свою чужеродность всему человеческому, человеческому как таковому; вот почему «... ничто во внешнем мире его не занимало»³³. У него, в отличие от гоголевского героя, не только нет прошлого, но и не провидится будущее; внутренняя мертвенность отсекает для него какую-либо перспективу изменения.

«Оправдательные посещения»

Были не раз отмечены значимые параллели, прямо проецирующие сологубовский роман на гоголевскую поэму; речь прежде всего идет о серии визитов, которые герой «Мелкого беса», «готовясь получить фантастическое место инспектора», наносит «„первым людям“ города: городскому голове, предводителю дворянства, прокурору и др.»³⁴. Визиты эти и у Гоголя, и у Ф. Сологуба представлены как предусмотренный установленным обычаем ритуал, без которого не обходится устройство жизни провинциального города. Но в «Мелком бесе» ритуальное значение визитов существенно переосмысляется, поскольку меняется их цель: герой пытается защитить свою репутацию, колеблемую, как ему кажется, распускаемыми про него слухами и сплетнями. Чичиков — приезжий, стремящийся понравиться важным для его плана городским чиновникам; Передонов — такой же обитатель города, как и «значительные особы»³⁵, которых он посещает, различие только в их ранге и официальном статусе.

Посещаемые им лица, как было отмечено в литературе о «Мелком бесе», подчеркнута сближены с героями «Мертвых душ». Так, Скучаев, городской голова, крайне любезный и обходительный, подобен по манере общения

31 POLONSKIJ, V. V.: *Meždu tradicij i modernizmom. Russkaja literatura rubeža XIX–XX vekov: istorija, poëtika, kontekst.* Moskva, 2011, s. 91.

32 SOLOGUB, F.: *Melkij bes.* Sankt-Peterburg, 2004, s. 74.

33 Там же, с. 48.

34 MINC, Z. G.: *O nekotorych «neomifologičeskich» tekstach v tvorčestve russkich simvolistov).* In: MINC, Z. G. (red.): *Blokovskij sbornik III. Tvorčestvo A. A. Bloka i russkaja kul'tura XX veka.* Tartu, 1979, s. 111.

35 SOLOGUB, F.: *Melkij bes.* Sankt-Peterburg, 2004, s. 67.

Манилову³⁶. А прокурор Авиновицкий, «мужчина мрачной наружности»³⁷, чей дом тоже имел «сердитый, злой вид»³⁸, прямо уподоблен Собакевичу, каждый предмет в доме которого, «... казалось, говорил: и я тоже Собакевич! или: и я тоже очень похож на Собакевича!»³⁹. Но бросающиеся в глаза черты внешнего сходства резко оттеняют другой, чем у Гоголя, характер разговоров посетителя и посещаемых.

Называя свои посещения «оправдательными»⁴⁰, Передонов ставит перед собой задачу уберечься от оговоров и наговоров, услышанных им или только мнящихся, но все равно несущих в себе угрозу для его служебной карьеры. Предупреждая тех, к кому он является с визитом, что про него «в городе всякий вздор мелют»⁴¹, «распускают всякую ерунду», которая ему «повредить может»⁴², «всякие слухи ходят»⁴³, что про него «в городе болтают всякие пустяки»⁴⁴, он каждый раз вновь повторяет и заново воспроизводит привычные ему «городские сплетни», способные, как он воображает, «помешать ему достигнуть инспекторского места»⁴⁵.

Особы, которым Передонов наносит визиты, манифестируют мифологизированное пространство города и являются друг для друга взаимоотражающими зеркалами. Все они, включая самого Передонова, как будто держат круговую оборону от разносимых по городу слухов и сплетен. Так, Кириллов, председатель земской управы, возмущаясь, «какова провинциальная среда», видит «единственное спасение для мыслящих людей сплотиться» и радуется, что Передонов пришел «к тому же убеждению»⁴⁶. Авиновицкий же, подтверждая, что «по части сплетен хуже нет города», заключает: «Уж и город! Какую гадость ни сделай, сейчас все свиньи о ней захрюкают»⁴⁷. Так или иначе дополняя друг друга, Передонов и его собеседники сходятся на почве общего для них

36 См.: DOLGENKO, A. N.: *Mifizacija klasičeskogo nasledija v romane F. Sologuba «Melkij bes»*. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2006, č. 45, s. 119.

37 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 76.

38 Там же, с. 75.

39 GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 14 t. T. VI*. [Moskva–Leningrad], 1951, s. 96.

40 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 67.

41 Там же, с. 70.

42 Там же, с. 78.

43 Там же, с. 81.

44 Там же, с. 83.

45 Там же, с. 87.

46 Там же.

47 Там же, с. 78.

отвержения городской молвы как недостоверной или ложной — и весьма для них вредной.

Мнение сологубовского прокурора, сравнивающего городских сплетников со свиньями, побуждает — по сложной ассоциативной логике — вспомнить о гоголевском прокуроре, которого Собакевич именует *свиньей*⁴⁸. Авиновицкий, отзывающийся о городе в стиле Собакевича (как если бы Собакевич стал прокурором), сам под эту бранную характеристику, понятное дело, не подпадает, но использует ее для негативного отзыва о городе и городских сплетниках. Распространение сплетен интерпретируется им как форма *свинского* поведения: *захрюкают*. Именно такое поведение, как ему представляется, вообще свойственно городским обывателям; потому и *хуже нет города*.

Городское говорение

Когда Передонов привел к девице Адаменко Володина, своего приятеля, чтобы тот к ней посватался, то она попыталась сначала завести разговор о реформе гимназий или о литературе, но «... увидела, что возможен только один разговор — городские сплетни»⁴⁹. И хоть «не люб ей был такой разговор», но от безвыходности «... принялась пустословить и сплетничать, как умела»⁵⁰. Говорение, которому предаются персонажи сологубовского романа, прежде всего и включает в себя разного рода слухи, толки и сплетни, нередко сочиняемые прямо на ходу. Так, Рутитов, желая «подразнить Передонову», уверяет его, будто гимназисты, живущие на квартирах, «курят, пьют водку, ухаживают за девицами», а тот «верил»⁵¹. Верил, потому что говорение творит собственную реальность, порождая иллюзию, будто слова сами по себе несут достоверные сведения о происходящем; словесная реальность, замещающая реальность окружающую, требует веры в себя.

В «Мертвых душах» причиной распространения нелепых домыслов о Чичикове служит отсутствие «вестей, которые город «уже давно не получал»⁵². Городская молва и «ориентируется на новость», реальную или выдуманную, но в любом случае отражающую специфику «городского образа жизни»⁵³.

48 См.: KOBRIŃSKIJ, A.: *Snova ob intertekste i jazykovoj igre v «Melkom bese» ili na kakom etape ostanavlivat' analiz?* In: BALAKIN, A. Ju., DOLININ, A. A., KOBRIŃSKIJ, A. A., LEKMANOV, O. A., LJUSTROV, M. Ju. (red.): *Vos'maja meždunarodnaja letnjaja škola po russkoj literature*. Kaukolempiälä (Cvelodubovo), 2012, s. 63.

49 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 53.

50 Там же, с. 54.

51 Там же, с. 49.

52 GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 14 t. T. VI*. [Moskva–Leningrad], 1951, s. 191.

53 BELOUSOV, A. F.: *Gorodskoj fol'klor: Lekcija dlja studentov-zaočnikov*. Tallin, 1987, s. 21.

Образ этот немислим без говорения, порождающего и в гоголевской поэме, и в сологубовском романе атмосферу фантастического бреда, которому тем не менее верят; только у Гоголя героем новостей, похожих на бред, становится герой поэмы, а у Ф. Сологуба герой романа сам оказывается их основным источником и разносчиком.

Чичикова говорение превращает в сбежавшего разбойника, переодетого Наполеона, капитана Копейкина; Передонов, подхватив услышанное Варварой «важное известие», будто гимназист, поступивший «нынче» в пятый класс, не просто «на девочку похож», но и «есть переодетая барышня»⁵⁴, поспешил обойти «всех сослуживцев», чтобы всем рассказать, «... что Пыльников — переодетая барышня»⁵⁵. Новость казалась настолько правдоподобной, что многие, например, жены учителей, «поверили сразу»⁵⁶ в нее, как в установленный факт; Передонов же за «раскрытие в одном из гимназистов девочки» рассчитывал, «кроме повышения», получить «и орден»⁵⁷. Начальство, распределяющее награды, обязательно, как он полагал, тоже должно было в эту новость поверить.

Слухи про переодетую девочку «быстро разнеслись по городу»⁵⁸, перейдя в привычную для городского говорения сферу «коллективного творчества»⁵⁹. Или, точнее, в область охватившего город коллективного безумия, сильно обострившегося, когда обнаружился интерес к Саше Пыльникову со стороны Людмилы Рутиловой — и его имя «... стали понемногу соединять с Людмилиным»⁶⁰. Передонов, доводя сплетни до очевидного абсурда, так что им на этот раз «мало кто верил», всюду рассказывал, будто Людмила уже «одного пригостишку родила, теперь другого носит»⁶¹. Когда же к сестрам Рутиловым явилась тетя Пыльникова, услышавшая, что одна из них его «развращает», то Людмила «все эти глупые сплетни», для которых она дала повод своим поведением, объяснила особенностями распространения молвы «в нашем городе», где «из всего сделают преступление» и где «такие ужасные, ужасные люди»⁶². Разыгранная сестрами сцена, ставшая для них продолжением

54 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 93.

55 Там же, с. 109.

56 Там же.

57 Там же, с. 112.

58 Там же, с. 113.

59 Там же, с. 20.

60 Там же, с. 165.

61 Там же, с. 212.

62 Там же, с. 238.

состоявшегося накануне маскарада, убедила тетю, что они «явились невинными жертвами глупой клеветы»⁶³.

В «Мелком бесе» маскарад играет такую же роль городского скандала, вызывающего резкий всплеск слухов и сплетен, как бал у губернатора в «Мертвых душах», став демонстрацией предельного сгущения inferнальной и доходящей до безумия абсурдной атмосферы и представ «бесовским игрищем, торжеством безобразия и хаоса»⁶⁴. Сразу, еще на стадии замысла, попав в сферу городского говорения, он уже вызвал «преувеличенные слухи» насчет призов «за лучшие наряды», которые «волновали горожан»⁶⁵. Слухи эти подействовали и на сестер Рутилиных, решивших «... послать в маскарад Сашу в женском платье, обмануть таким способом весь город и устроить так, чтобы приз дали ему»⁶⁶. Подействовали они и на Передонова, думавшего, под влиянием своего безумия, «... что маскарад затеяли нарочно, чтобы его на чем-нибудь изловить»⁶⁷. Поэтому все «люди и предметы» на маскараде «являлись ему бессмысленными, разрозненными, но равно враждебными»⁶⁸.

«Нехороший город»

Чичикова чиновники, признавшие в нем *своего*, хотят женить: «Вот мы вас женим...»⁶⁹. Герой поэмы, уже подумывавший «о бабенке, о детской»⁷⁰, против женитьбы, особенно теперь, после столь удачного *приобретения*, не возражает. Но слухи о романе с губернаторской дочкой разрушают его репутацию и заставляют убраться из города. Важную роль играет мотив женитьбы и в сюжетной истории Передонова, считающегося завидным женихом и хвастающегося, будто в него «здесь все влюбляются»⁷¹. Потому он и убежден, что жениться может на «всякой», на какой захочет, так как за него, как подтверждает Рутилов, «всякая пойдет»⁷². И Вершина уверяет его теми же словами, что за него «всякая пойдет»⁷³. Но так как княгиня обещала Варваре, его сожительнице,

63 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 239.

64 VENCLOVA, T.: *Sobesedniki na piru: Stat'i o rusckoj literature*. Vil'njus, 1997, s. 63.

65 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 220.

66 Там же, с. 221.

67 Там же, с. 222.

68 Там же, с. 227.

69 GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 14 t. T. VI*. [Moskva–Leningrad], 1951, s. 151.

70 Там же, с. 234.

71 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 13.

72 Там же, с. 12.

73 Там же, с. 19.

дать Передонову «хорошее место», то ему «выгоднее на Варваре жениться»⁷⁴. Развиваясь, мотив женитьбы сплетается с мотивом поддельных писем от княгини, а также с мотивом подмены, будто Володина «окрутят с Варварой», а Передонова, как ему мерещится, «отравят» и «похоронят как Володина, а Володин будет инспектором»⁷⁵.

Подозрительность Передонова связана с его представлением, что «у нас такой город»⁷⁶. Распуская грязные сплетни о других, он страшится неблагоприятного влияния молвы на его служебную карьеру, почему «истово и широко» крестится, «... чтобы видели все, кто мог бы увидеть проходившего мимо церкви будущего инспектора»⁷⁷. Но при этом он обнаруживает растущую склонность к разрушительным действиям, проявляющуюся «в безумных попытках» именно подобным способом «проникнуть в сущность окружающей реальности»⁷⁸. Реальность же, которую представляет собой «нехороший город», где его окружают «злые, скверные люди», пробуждает в нем желание побыстрее перебраться «в другой город, где все учителя будут кланяться низенько, а все школьники будут бояться и шептать в страхе: инспектор идет»⁷⁹. Ведь жизнь «в этом темном и вечно враждебном городе» обрекает Передонова, как ему кажется, на «общее недоброжелательство», вызывающее в его безумном сознании фантастическую картину, будто «... собаки хохотали над ним, люди облаивали его»⁸⁰.

Герой «Мертвых душ» не понимает, когда чиновники вдруг перестали его принимать, «он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову...»⁸¹. Напуганный ставшими ему известными слухами и сплетнями, он спешит покинуть город NN; быстрый отъезд его похож на бегство. Передонов, который действительно сходит с ума, оказывается тождественным городу, где с безумием героя смыкается господствующая здесь атмосфера абсурда, столь же дикого, что и «дикие грезы»⁸², все более им овладевающие, пока он полностью не

74 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 20.

75 Там же, с. 27.

76 Там же, с. 48.

77 Там же, с. 90.

78 PUSTYGINA, N. G.: *Simvolika ognja v romane Fedora Sologuba «Melkij bes»*. In: BEZZUBOV, V. I. (red.): *Blokovskij sbornik IX. Biografija i tvorčestvo v ruskoj kul'ture načala XX veka*. Tartu, 1989, s. 128.

79 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 156.

80 Там же, с. 189.

81 GOGOL', N. V.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 14 t. T. VI*. [Moskva–Leningrad], 1951, s. 213.

82 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 198.

оказался «во власти диких представлений»⁸³. Окончательное бегство в безумие навсегда избавляет его от необходимости бегства из *фантастического* города, рожденного *странным* воображением автора «Мелкого беса».

Об авторе

Vladislav Shaevich Krivonos, Samara State Social and Pedagogical University,
Faculty of Philology, Department of Literature,
Samara, Russian Federation, vkrivonos@gmail.com

---

83 SOLOGUB, F.: *Melkij bes*. Sankt-Peterburg, 2004, s. 213.